



К 150-летию
со дня рождения
М. Е. Салтыкова-
Щедрина

С портретов Щедрина смотрит как наитрезвейший прокурор российской действительности. Уж он ли не был обличителем фразы, посулов, обманчивых «талантливых натур»? Он их целую стаю вывел в «Губернских очерках». Что стоят Алексис Звонский и Беобахтер еще в «Запутанном деле». Щедрина всегда знал, что делал и в кого метил. Даже когда изображал эволюции Митеньки Козелкова в «Помпадурках и помпадуршах» или молчалинское «гожение» глушечев-приспособленцев в «Современной идиллии». Сцеплены в единое целое у Щедрина предмет сатиры и идеал, что водит рукой писателя.

По-серьезному он относился к тому свету социализма, который «воссиял» и «лился» в 40-х годах из Франции Жорж Санда и Фурье. И на всю жизнь он был суровым обличителем с самыми высокими идеалами и заглядывал в век будущий. Даже образ князя Мышкина в «Идиоте» Достоевского

смысле. Разве не на этой меже происходит застарелый, все еще повторяющийся спор художника с заурядным здравомыслием?

Эзопу речь родила у Щедрина не только царская цензура. Слишком много ей чести. Конечно, извороты заставляли тормозить и Эзопа. Но Щедрина иносказание нужно было для яркой экспрессии. Оно обходным путем дает возможность прийти к великому художественному эффекту. И по природе своей оно несет в себе удвоенный смысл, емкое обобщение, устоявшуюся за века народную мудрость, уподобление одного явления другому. Особой концентрированной силой эти свойства сатиры Щедрина проявились в его поистине чудесных «Сказках». Они вообще представляют собой как бы сжатое резюме всего его творчества, мотивов и средств выражения.

Его циклизация очерков, целые сюиты с переходящими героями, сменой ракурсов их освещения, стадии пресупевания и падения — это

ная» лежит в основе и «Анны Карениной», и «Братьев Карамазовых». Но все же по Щедрина пошла русская литература. Так чего же, собственно, требовал Щедрина? Сатирик хотел вывести литературу на простор социальных проблем, и тут она была вместе с Щедриным. И те же романы — «Анна Каренина» и «Братья Карамазовы» — хороши не просто «семейной» темой или темой «распада семьи», а показом этих процессов в «ячейке общества», на фоне широких исторических катаклизмов. Обличителю бюрократии «надворному советнику» Салтыкову было не до «семейных» тем. И если в «Господах Головлевых» и «Пошехонской старине» он строит сюжет на семейной хронике, то ведь мы чувствуем в этих произведениях крушение целого уклада жизни, прежде менявшегося с медленностью геологических пластов. Есть тут толстовская эпичность. А в Иудушке — смердяковские черты.

не простая правда фактов, нечто большее, нежели простое умение копировать; он «допытывается того интимного смысла, той внутренней жизни, которые одни только и могут дать факту действительное значение и силу».

А как это сделать? Никто с такой непринужденностью не говорил о приговоре над действительностью, как Щедрина. Для него теоретически никаких тут не было загадок. Он по опыту знал: «ничто в такой степени не возбуждает умственную деятельность, не заставляет открывать новые стороны предметов и явлений, как сознательные симпатии или антипатии». Вот это и называется служением современности. Но еще раз обратим внимание: эту свою тенденциозность считает художник силой, «подстрекающей» к открытиям и обобщениям, благом, которое делает его властелином предмета, дает ему пророческую ясность понимания, перспективы и форму воплощения.

В. И. КУЛЕШОВ, доктор филологических наук

САТИРЫ РУССКОЙ В ПЛАСТЕЛИН

Психологом Щедрина был пронзительным. Только, наверное, существует несколько типов его психологизма. Умея улавливать «политику в быте», он воспроизводил сложные психологические хитросплетения в душе взяточников и обирал. Логика «помпадурства» воспроизведена им в немеркнущих формах. Он был гениальным мастером убийственных афоризмов, которые схватывали целые глыбы насущного и обжитого в «темном царстве» крючкотворов и казуистов. «Надворный советник» был поистине троянским конем в их стане и вынес оттуда несметные сокровища. Исследовал он и психологию, может быть, самую темную, прикровенную словообилием, сознательным расчетом «казаться» и «быть», психологию, одним словом, Иудушки Головлева. Все «двойники» в Иудушке совместились, он сам за всех них говорит. Тут глубины раскрыты бездонные.

Может быть, уместнее всего в юбилейной статье сказать о Щедрина как критике. Покаемся, что должное его место и значение в этой области нами еще не осознаны. Растащены по разным полагам словечки Щедрина, целые куски из статей для конструирования каких-то концепций; Щедрина-критик четверть века назад удостоился сборника, где собраны его статьи. А что он такое в целом, еще речь впереди.

Все мы говорим: «русский реализм», «русский критический реализм», а ведь Щедрина внес, может быть, главную лепту, чтобы это понятие устоялось и приобрело современный вид. Слово «реализм» появилось только после Белинского. Определение «критический» ввел Чернышевский, но в другом сочетании: «критическое направление». У Добролюбова и Писарева: «реальное», «реалисты» — обрастали побочными смыслами. Щедрина вернул и понятие, и термин в лоно методологическое, исследовал самую их суть, удерживая оба компонента. Для него, сатирика, «критическое» — организационная сторона правды, даже средство ее проявления. А «реализм»

Щедрина всегда интересовала сама личность писателя. Следить за личностью автора, как она развертывается перед читателем произведения, он даже считал особым, интересным и почетным делом. Не отсюда ли потом ученые-филологи выведут проблему «автора-рассказчика», а структуралисты заговорят о разных масках и уровнях повествования?

Какой важной в русской критике является проблема народности. Щедрина ее решал почти так же, как мы сегодня. Он отметал так называемую простонародность и национальную замкнутость. Но даже в отличие от Белинского, у которого еще «народность» и «национальность» соотносились как часть с целым, Щедрина в соответствии с логикой истории, процессом пробуждения масс уже только народ считал «воплотителем идеи демократизма». Он знал, что многие попадают впросак, путая этот широкий аспект проблемы с конкретным историческим бытием народа в данный момент, угнетенного и нередко низводимого властями и вечной темнотой и заботностью на «глуховский» уровень. Оба полюса этой проблемы видел Щедрина. Но видел и то, что аристократические верхи уже порвали с национальным престижем России.

Читайте побольше Щедрина, применяйте его к публицистике, используйте в созидательном революционном процессе призывал В. И. Ленин. Щедринский словарь, составленный Ольминским, — это еще пока просто инструментарий, как в медицине, разложенный на салфетке. Есть работы и о стиле Щедрина, давние и толковые. Но эта радостная сфера, наверное, практически неисчерпаема. Когда мы читаем у Маяковского: «...И вижу: сидят людей половины. О дьявольщина! Где же половина другая?» — это не просто личная смелая реализация тропа: тут в основе лежит и гротеск Щедрина, он таким манером перепахал искусство, возвел в норму такие образы-примечания. Когда мы в театре «Современник» смотрим «Балалайки и К», пьесу С. Михалкова по роману «Современная идиллия», — это Щедрина, прочитанный сегодня. Проверьте на себе, на зрителе, эффект особенного совмещения правды представления с правдой восприятия.

Время не отдаляет от Щедрина. Сатира — оружие честных людей, для добрых дел.

БЕЗ Щедрина невозможно представить себе русскую литературу. Любое ее качество всегда имело своего гения. Например, ее любовь к народу, крестьянству, конечно, получила наиболее яркое выражение в поэзии Некрасова. Ее социалитические стремления — у Чернышевского. Широкий эпический многоголосый охват жизни — в романах Достоевского и Толстого. Стоит ли спорить, что и у других проявляется каждое из качеств или сразу несколько качеств. Мы не навязываем своих определений, кому из писателей что приходится. Но есть и правда в таких однозначных определениях сущности писательского пафоса. Многосложный Щедрина — конечно, сатирик по преимуществу, и с его именем прежде всего связывается представление об обличительном духе нашей классики. От Кантемира до Щедрина. И далее...

Обличение! Но оно само не прихоть и не «натура». По правде, сатирик нужен родиться. Это особый дар. Не всякий острый, аналитический ум легко перегибается в сатиру, обладает конструктивной способностью строить смешное из грустного.

Голое обличение невозможно. Нужны идеалы, во имя их и творится сатира. Были идеалы и у Щедрина. Были уже тогда, когда он назывался только Салтыковым, псевдоним Щедрина появился через десять лет. Напрасно полемист Достоевский обыгрывал его как «Щедродаров». Да, это был именно дар щедрого сердца, очень любившего истинную Россию и смехом своим старшего освободиться от «глушечев» и «помпадуров».

приветствовал, — этого Христа во фраке, замешавшегося в сутолоке современной жизни, — потому как никогда не умрет в человечестве жажда гармонии и лучшей жизни. И сам рисовал, вслед за Чернышевским, новых людей: будет ли это непочтительный Коронат или братец Федос. И дань либеральным колебаниям отдал Щедрина, и, став революционным демократом, может быть, одним из трезвейших и убежденнейших после Чернышевского, не расставался он с самыми дерзкими мечтаниями о гармонии. Уж очень захватила его мысль в конце жизни: чем жить простому человеку? Ни одна система его не удовлетворяла, он видел пассивное сознание непробудившегося еще на великие исторические свершения «среднего» русского человека — «Имярек» («Мелочи жизни»). Но каждый день нужно было трудиться, по грязи двигаться к лучам, к «читателю-другу», уверять себя в часы изнурения и спада воли, что ты делаешь самое нужное дело для народа и России.

Цепкая, хваткая сатира Щедрина — гротескного характера. Он был мастером эзоповой речи. Нередко эти «кривые ходы» сатирика объясняют цензурными притеснениями. Чтобы обойти составленные рогатки, он и придумывал: у Брудастого в голове оказался органчик, а у майора Прыща вместо мозгов фарш. Суворин нападал на автора «Историй одного города» — какой же это реализм, у людей так не бывает. Щедрина разъяснил, что смысл его затеи в типизации: у людей не бывает, а у градоначальников бывает. Тут суть в социальном жале, а форма может быть сочиненная, даже фантастическая. Было бы по правде жизни в глубинном

тоже ступеньки обобщения, типизации, целая «человеческая комедия». В эпоху либеральных обольщений, пореформенных успехов очень важно было показать истинные ритмы жизни, цену прогресса, переходы от «либерализма ругательного» в «либерализм хвалительный», от «умственного маскарада» к «эпохе конфуза», а начало начальство по-прежнему «бдит и взывает», а просвещение, хоть и разлилось по Руси, все же любит, когда оно носит «характер непросвещенный». Скрежет зубовый — привилегия немногих. Либерал-прихлебатель знает один мотив: «Я безвреден! Я безвреден! меня можно бить и потому незачем убивать!». Щедрина был злым врагом всякого лицемерия. У него своя летопись «признаков» времени, порождающего «столпов» и «кандидатов в столпы», «нарциссов» и «легковесных», «сомневающийся», «русских гулящих людей» за границей» и особенно «чумазиных», то есть деруновых, колушаевых и разубаевых, новых хозяев, заводчиков и фабрикантов.

Особый прием обобщений у Щедрина — это переосмысление уже готовых, «обкатанных» великих образов. Щедрина прослеживал эволюцию героев Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Островского. О господах лизоблюдах, привыкших к среде умеренности и аккуратности, у него есть хлесткие страницы. Классические образы вечно живут: в них огромные резервы смысла и применений. Таким же свойством обладают и образы у Щедрина, недаром В. И. Ленин пользовался ими в политической борьбе.

Говорят некоторые исследователи, будто требования Щедрина расширить рамки романа, чтобы он перестал быть «семейным», не совсем оправдались. «Мысль семей-